

Шуай Чан ждал довольно долго и успел проголодаться. Однако он не спешил брать палочки, а лишь нахмурившись, пристально смотрел на крошечную порцию риса в чашке Фань Лоцзя.

Лицо Шуай Чана было серьезным. Фань Лоцзя решил, что чем-то разозлил его, и, боязливо дрожа, не решался прикоснуться к еде.

— Брат Хайдун... — тихо и нерешительно произнес он.

— Ты слишком мало ешь.

Шуай Чан понимал, когда женщины ограничивают себя в еде ради похудения, но чтобы мужчина ел так мало? Как он вообще собирается работать, не имея сил? Да тут и до истощения недалеко.

— Я... — Фань Лоцзя хотел оправдаться, что старается поддерживать форму для съемок, но вдруг вспомнил, что больше не актер. Он печально опустил голову и замолчал.

Шуай Чан не был провидцем и не мог по одному лишь неуловимому выражению лица понять, что творится в душе у парня. Впрочем, у него был Духовный сгусток, способный ответить на многие вопросы. С помощью высвобожденной духовной силы Шуай Чан понял, что Фань Лоцзя грустит из-за того, что больше не может сниматься.

— Лоцзя.

Фань Лоцзя поднял голову. Шуай Чан поманил его рукой и указал на свои колени:

— Садись сюда.

Фань Лоцзя забыл о своей печали.

— Ч-что? — голос его дрогнул от волнения, он даже слегка заикался.

— Садись ко мне на колени, — властно, не терпящим возражений тоном, поддразнил его Шуай Чан.

Фань Лоцзя не смог отказать. Он встал и подошел к Шуай Чану. Тот протянул руку, потянул его на себя, и Фань Лоцзя опустился на его крепкие бедра.

Шуай Чан нахмурился, оценивая вес на своих ногах:

— Ты слишком легкий. Ешь побольше, хорошо?

Горячее дыхание коснулось ушной раковины Фань Лоцзя. Ему показалось, что сердце на миг замерло, а затем забилося с неистовой силой. Такого чувства он никогда не испытывал, будучи

рядом с Инь Хайдуном прежде.

Брат Хайдун... он такой очаровательный!

На крепких бедрах ощущались две упругие точки, прикосновение было очень приятным. Шуай Чан не чувствовал усталости и просто наблюдал, как Фань Лоцзя начал есть. Вскоре, решив, что тот двигается слишком медленно, он просто обнял его обеими руками и принялся кормить сам.

Когда все закончилось, Фань Лоцзя, держась за живот, обернулся к нему с жалобным видом:

— Брат Хайдун, я правда наелся, больше ни кусочка не влезет.

Шуай Чан протянул руку и потрогал его живот. Тот действительно заметно округлился. Мужчина удовлетворенно кивнул:

— Иди прогуляйся, растрясى еду. Как доем, приду к тебе. Ты сегодня такой послушный, заслужил награду.

Фань Лоцзя медлил, не желая вставать. Объятия Инь Хайдуна были широкими и надежными, они дарили удивительное чувство покоя.

— Слушайся, — Шуай Чан не понимал желания парня понежиться и хладнокровно приподнял его. Увидев, что Фань Лоцзя стоит без движения, он слегка шлепнул его по пятой точке, подгоняя.

Фань Лоцзя в испуге подпрыгнул, прикрыл рукой пострадавшее место и, не оглядываясь, выбежал из столовой.

— Все-таки еще совсем ребенок, — покачал головой Шуай Чан, поражаясь энергичности Фань Лоцзя, и неспешно продолжил свой обед.

Поев, Шуай Чан отправился на поиски Фань Лоцзя. Зайдя в сад, он увидел, что тот присел на корточки перед цветочной клумбой. Шуай Чан подошел совсем близко, его шаги были отчетливо слышны, но Фань Лоцзя, опустив голову, ничего не замечал.

Любопытство взяло верх, и Шуай Чан присел рядом, чтобы посмотреть, что же так увлекло парня.

Муравьи переезжают...

Повернув голову, Шуай Чан увидел, что Фань Лоцзя засмотрелся, неосознанно приоткрыв рот. Сбоку были видны его белоснежные зубы и кончик ярко-красного языка.

Облизнув губы, Шуай Чан произнес низким голосом:

— Нравятся муравьи?

Фань Лоцзя поднял на него глаза, в которых отражался свет. Удивление было написано на его лице.

— Брат Хайдун, извини, я засмотрелся. — Фань Лоцзя попытался встать, но не учел, что просидел на корточках несколько минут, и ноги затекли. Его качнуло.

Шуай Чан придержал его за талию и помог выпрямиться:

— Иди сядь вон там, я разомну тебе ноги. — Дети всегда требуют столько внимания: стоит на секунду упустить из виду, как уже ноги отсидели.

Из-за того, что ноги теперь покалывало, словно по ним бегали тысячи муравьев, Фань Лоцзя чувствовал себя ужасно глупо. Он опустил голову, не смея встретиться с Инь Хайдунем взглядом.

— Чего я в тебе только не видел, а теперь стесняешься? — Шуай Чан усадил его, поднял одну ногу и положил себе на колено, начав медленно и уверенно разминать.

Он сохранял невозмутимый вид и даже мог шутить, но никто не знал, как сильно колотилось его сердце от того, что он своими руками касается этих прекрасных ног, о которых так мечтал.

Сердце трепетало, зрачки сузились. Ощущение мурашек с ног Фань Лоцзя передалось Шуай Чану, и вся его рука онемела от этого странного покалывания.

Листва на деревьях дрожала на ветру, издавая шорох. Фань Лоцзя влажными глазами украдкой поглядывал на мужчину рядом. Они были законными супругами, и этот человек — его возлюбленный. Сегодня он был к нему необычайно добр, такой заботы он даже не смел ожидать.

— Знаю, что красив, но не стоит так на меня смотреть, — Шуай Чан поднял руку и закрыл Фань Лоцзя глаза. В его взгляде была какая-то магия, способная вытянуть душу, и Шуай Чан не решался смотреть слишком долго. Его ладонь была такой большой, что почти полностью скрывала лицо Фань Лоцзя.

— Брат Хайдун, ты же сказал, что если я буду послушным, то получу награду? Какая это награда? — тихо спросил Фань Лоцзя. Когда он моргал, ресницы щекотали ладонь Шуай Чана.

— Тебе нравится играть в кино? — Шуай Чан убрал руку и слегка коснулся носа Фань Лоцзя. — Компания как раз готовит новый проект. Как насчет того, чтобы дать тебе главную роль?

— Кино? Конечно, нравится! — взволнованно воскликнул Фань Лоцзя. — Но я так давно не снимался... Ты не боишься, что я провалюсь и принесу убытки компании? — Он поднял голову, и в его ясных глазах отразилась неуверенность.

Шуай Чан уже проверил способности Фань Лоцзя через Духовный ступок, поэтому уверенно кивнул и серьезно добавил:

— Я верю в тебя.

— Брат Хайдун! — Фань Лоцзя бросился в объятия Шуай Чана. — Я тебя не подведу! — его глаза покраснели.

Встретившись с тем, кого хотел видеть, и прикоснувшись к ногам, о которых мечтал, Шуай Чан уходил в прекрасном настроении.

Развлекательная компания Инь Хайдуна действительно готовила масштабный костюмированный сериал. Актеры на второстепенные роли и массовка были почти подобраны, а вот главная роль... изначально она предназначалась для того, чтобы задобрить Шэнь Юньцина. Но теперь, когда Шуай Чан занял это тело, он, разумеется, не собирался продолжать двусмысленные отношения с Шэнь Юньцином. Отдать лучшее Фань Лоцзя — вот что было правильным решением.

Вернувшись в компанию, Шуай Чан поручил Юй Лили включить его в состав комиссии на прослушивание для проекта Песнь длинной мелодии. Как инвестор, он хотел иметь больше веса при выборе актеров.

— Не беспокойтесь, господин Инь, — ответила Юй Лили. — Я уже поговорила с режиссером Сун Цю. Он сказал, что если актерское мастерство будет на высоте, он обязательно прислушается к вашему мнению при выборе главного героя.

Шуай Чан удовлетворенно кивнул.

Вечером он отправился на банкет в сопровождении своей спутницы — главной актрисы компании Янь Шо. Среди шумной толпы он внезапно заметил Шэнь Юньцина. Тот был окружен тремя избалованными богатыми сынками. Его бокал постоянно наполняли, щеки покраснелись от вина, а подернутые хмелем глаза выглядели как осенняя вода. Мажоры с недобрыми улыбками потащили его в дальний угол.

Шуай Чан, обсуждавший проект с партнером, нахмурился, его лицо похолодело. Президент компании-партнера Инь Цзюэ, решив, что сказал что-то не то, уже собирался извиниться, но Шуай Чан бросил лишь короткое Прошу прощения и поспешил прочь, оставив ошеломленного Инь Цзюэ позади.

Шуай Чан подошел к углу и с холодным видом вырвал пьяного Шэнь Юньцина из рук

компании, а затем позвонил Юй Лили, чтобы та прислала людей забрать его. Из-за этого инцидента Шуай Чану пришлось бросить множество полезных связей и поспешно покинуть банкет.

Когда Юй Лили с водителем подъехали к отелю, она увидела своего босса, который с явным отвращением держал за воротник своего скандально известного любовника Юньцина. Она была уверена: если бы Юньцин мог стоять сам, босс ни за что не прикоснулся бы к нему и пальцем.

Юй Лили подбежала, и Инь Хайдун, как и ожидалось, тут же оттолкнул парня в ее сторону:

— Отвезите его в общежитие.

Юй Лили подождала, пока водитель подхватит Юньцина, и поспешно спросила:

— Господин Инь, а как вы доберетесь?

— У меня свои способы, езжайте, — ответил Шуай Чан.

Он только что отправил сообщение Фань Лоцзя, и тот уже ехал за ним. Инь Хайдун был слишком важной персоной, чтобы оставлять его без присмотра, поэтому Юй Лили не решалась уехать первой. Шуай Чан кивнул и велел водителю сначала отвезти Шэнь Юньцина, а потом вернуться за ней.

В ночном городе сверкали неоновые огни. Серебристо-серый автомобиль остановился перед ними, окно медленно опустилось, и показалось энергичное, красивое лицо. Увидев Шуай Чана, Фань Лоцзя тут же расцвел нежной улыбкой.

— У водителя другие дела, пришлось побеспокоить тебя, — голос Шуай Чана звучал мягко и тепло, совсем не так, как у того властного и своенравного босса, которого она знала.

Юноша в машине улыбнулся, показав два маленьких клыка. Юй Лили вдруг озарило:

— Вы же Фань Лоцзя!

Когда Фань Лоцзя только подписал контракт с Корпорацией Инь, на него возлагали огромные надежды — он был восходящей звездой. Юй Лили видела его лучезарную улыбку и никогда ее не забывала. А потом он внезапно исчез, все знающие люди хранили молчание. Звезда погасла, и Юй Лили долго сожалела о нем.

Она никак не ожидала встретить его снова при таких обстоятельствах. Фань Лоцзя и господин Инь... Мысли Юй Лили путались, она невольно начала представлять их сложные любовные перипетии. Было очевидно, что Инь Хайдун проявлял к Юньцину особое внимание, но теперь появился Фань Лоцзя, из-за которого тот сразу стал казаться боссу обузой... Юй Лили не решила развивать эту мысль и натянула профессиональную улыбку.

— ... — Фань Лоцзя с сомнением посмотрел на Инь Хайдун. — Брат Хайдун, кто это?

Она назвала его по имени, хотя Инь Хайдун не мог ей этого сказать — возможно, его поклонница? Юй Лили стала помощником президента уже после того, как Фань Лоцзя покинул шоу-бизнес, поэтому он ее не знал.

Шуай Чан, не обращая внимания на чужие взгляды, провел рукой по щеке Фань Лоцзя:

— Это Юй Лили, мой помощник. — Затем он представил его: — Фань Лоцзя, ты его знаешь. Теперь он мой возлюбленный.

— Господин Фань, не ожидала, что вы меня узнаете, — вежливо поздоровалась Юй Лили.

Когда Инь Хайдун представил его как своего возлюбленного, Фань Лоцзя решил, что спит. Лицо его вспыхнуло.

— Брат Хайдун, ночной воздух прохладный, давай сядем в машину, — Фань Лоцзя знал, что сейчас красный, как рак, и поспешно открыл дверь.

Шуай Чан сел на пассажирское сиденье, а Юй Лили, не успев отказаться, села сзади. В присутствии постороннего Фань Лоцзя не мог говорить нежности, поэтому вежливо спросил:

— Где живет помощник Юй? Давайте сначала отвезем вас.

— Не нужно, не нужно, — Юй Лили замахала руками. — Водитель скоро вернется, не беспокойтесь.

Она поймала на себе убийственный взгляд босса и ни за что на свете не стала бы мешать влюбленным.

Шуай Чан взял Фань Лоцзя за руку:

— Мы подождем вместе с помощником Юй, пока приедет водитель, а потом поедem домой.

Опять!

— Хорошо, — вместе домой...

Фань Лоцзя опустил покрасневшую голову. Демонстрировать чувства на людях было для него в новинку. Юй Лили сзади смотрела в пол, делая вид, что не чувствует витающей в воздухе двусмысленной атмосферы.

В тот момент, когда показались фары машины водителя, глаза Юй Лили наполнились слезами радости. Одному богу известно, как неудобно она себя чувствовала.

— Господин Инь, господин Фань, спасибо, что подождали со мной. Я поехала, до завтра! — выпалила она и выскочила из машины, не давая им и слова вставить.

Наблюдая за тем, как Юй Лили садится в другую машину, Фань Лоцзя медленно привалился к плечу Инь Хайдун.

— Брат Хайдун.

— М? Что такое? — Шуай Чан погладил его по мягким черным волосам.

— Ничего, просто хотел позвать тебя.

Ощущение того, что они остались одни, было таким приятным. Фань Лоцзя был молод, полон сил, и от близости к Инь Хайдуну его тело начало гореть, щеки покраснелись, а в горле пересохло.

— Поехали домой, — он побоялся, что не сдержится, выпрямился, пристегнул ремень и завел машину.

Фань Лоцзя вел плавно, и Шуай Чан почувствовал, как веки тяжелеют, поэтому решил немного подремать. До дома было минут двадцать. Фань Лоцзя включил маленькую лампочку под крышей и увидел, что Инь Хайдун крепко спит, прислонившись к сиденью. Его острые глаза были закрыты, ресницы подрагивали в такт дыханию, прямой нос и слегка приоткрытые тонкие губы... Фань Лоцзя уставился на эти губы, и ему стало еще жарче.

Может... поцеловать?

Фань Лоцзя подался вперед, закрыв глаза...

— Лоцзя? — Шуай Чан положил руку на лоб, как раз перекрыв лицо Фань Лоцзя. Он был утомлен и, не открывая глаз, нахмурился, не заметив намерений парня.

Фань Лоцзя в смущении отпрянул, выпрямился и, косясь на мужчину, пробормотал:

— Брат Хайдун, мы приехали.

Шуай Чан с трудом открыл глаза. В салоне горел теплый желтый свет, а снаружи теснились тени деревьев.

— Надо же, уснул. Должно быть, потому что рядом Лоцзя, и я чувствую себя в безопасности, — улыбнулся Шуай Чан.

Духовный сгусток подсказал, что Фань Лоцзя расстроен и нуждается в утешении, и Шуай Чан, ломая голову, выдал эту фразу. Хотя она была простой, она вернула Фань Лоцзя хорошее настроение.

Они жили в одной спальне. Шуай Чан хотел принять душ, и Фань Лоцзя тоже.

— Может, вместе? — покраснев, предложил Фань Лоцзя. Хотя Инь Хайдун был сегодня нежен, казалось, он потерял интерес к его телу, и Фань Лоцзя пришлось действовать самому.

Шуай Чан, не заметив намека, по-мужски прямолинейно ответил:

— Я пойду в ванную в гостиной, а ты — в спальне. Так не будем мешать друг другу.

Он ожидал, что Фань Лоцзя оценит его находчивость, но тот лишь безразлично посмотрел на него и протянул долгое:

— О-о-о...

Шуай Чан, не поняв причины, отправил запрос Духовному сгустку.

Духовный сгусток: ...Ты отверг того, кто проявлял к тебе интерес, и разбил ему сердце.

Шуай Чан: И что мне теперь делать?

Духовный сгусток: Подойди, обними его, скажи, что пошутил, и идите мыться вместе.

Шуай Чан: ...Думаю, сейчас не стоит.

Если он увидит прекрасные ноги Фань Лоцзя в упор, то точно опозорится.

В итоге Фань Лоцзя так и не удалось добиться своего, и он с обидой пошел мыться один.

Принимая душ, Шуай Чан размышлял о событиях дня, впервые усомнившись в своей способности понять мужчину с типом личности «шоу». Он отчетливо чувствовал, что их мыслительные процессы работают на разных волнах. Хотя он знал, что «Инь Хайдун» и Фань Лоцзя — законные супруги, для него, как для натурала, это понятие еще не трансформировалось в «муж и жена». Он думал, что два мужчины просто живут вместе, а о том, что такая жизнь подразумевает... «интимную близость»... Шуай Чан не имел ни малейшего понятия.

В отношениях между мужчинами он был чист, как белый лист. То, что он был добр к Фань Лоцзя, объяснялось лишь чувством вины и желанием исправить ошибки. Стоило представить, какой ужасной была бы жизнь Фань Лоцзя без него, как он невольно начинал проявлять заботу и прощать ему странные выходки. К тому же у Фань Лоцзя были такие ноги, перед которыми он не мог устоять.

Результаты исправления «мерзавца-агрессора» напрямую отражались на «пассивном» партнере: вернуть его жизнь в нормальное русло было базовым требованием. Поэтому Шуай Чан разработал для него карьерный план. Фань Лоцзя был талантлив, так почему бы не помочь ему стать кинозвездой и не вознести на вершину славы?

Шуай Чан помылся быстро. Когда он вернулся в спальню, Фань Лоцзя еще не вышел. Стеклопанная дверь была покрыта паром, скрывая все красoty, слышался лишь звонкий звук воды, ударяющейся о кожу.

Пока Фань Лоцзя не было, Шуай Чан занялся делами компании, надеясь завтра освободить время для «важных дел».

Щелчок — открылась дверь ванной. Шуай Чан поднял голову. Мокрые волосы Фань Лоцзя были растрепаны, губы казались влажными, а стройное тело было облачено в белоснежную пижаму, сквозь которую проглядывала тонкая грудь и ключицы. Он был босиком, и виднелась половина его голеней.

Шуай Чан отложил ноутбук, естественно поднялся и взял с полки фен.

— Лоцзя, садись сюда. Волосы нужно высушить, прежде чем ложиться спать.

Фань Лоцзя вышел с решительным видом, но одна фраза Шуай Чана превратила сталь в мягкий шелк. Фань Лоцзя послушно сел на край кровати, теплый свет отбрасывал на его лицо красивые тени.

Шуай Чан запустил пальцы в черные пряди, фен загудел. Фань Лоцзя чувствовал, как по коже головы бегут мурашки, а в местах, где касались пальцы Инь Хайдуна, пробежал электрический ток, заставляя сердце дрожать. Он поднял взгляд на мужчину, который так бережно сушил ему волосы, и прижал правую руку к левой стороне груди.

Отрицать было бессмысленно: он влюбился, окончательно и бесповоротно влюбился в этого человека.

Когда волосы высохли, Фань Лоцзя непривычно молчал. Шуай Чан убрал фен и, вернувшись, увидел, что Фань Лоцзя послушно лежит на своей половине кровати и смотрит на него с надеждой и тревогой.

Шуай Чан лег на другую сторону, повернулся и спросил:

— Что такое? Почему мой Лоцзя молчит?

Фань Лоцзя лишь покачал головой.

Шуай Чан: Духовный сгусток, тут что-то сложное. Может, фен был слишком горячим и я его обжег? Он выглядит подавленным и ничего не говорит.

Духовный сгусток: Он, возможно, влюбился, в тебя.

Шуай Чан: Влюбился? В каком смысле?

Духовный сгусток: В том смысле, в каком женщины влюбляются в мужчин.

Шуай Чан: ...Фань Лоцзя влюбился в меня???

Он посмотрел в глаза Фань Лоцзя, полные невысказанных чувств, и, кажется... так оно и было.

#Первый раз делаю доброе дело и вдруг сталкиваюсь с любовной атакой. Что мне делать?#

Шуай Чан не испытывал отвращения к тому, что нравится мужчине. В глубине души зародился крошечный росток радости, который он пока не осознал.

Первый утренний луч солнца пробился сквозь щель в шторах. Шуай Чан открыл глаза. Фань Лоцзя, обняв одеяло, свернулся калачиком, растрепанные волосы закрывали половину лица, губы были приоткрыты, и он тихо сопел во сне.

Шуай Чан слегка улыбнулся, придвинулся ближе и убрал пряди волос с его лица. Ресницы Фань Лоцзя подрагивали, а спящий вид казался еще более невинным, чем его дневная энергичность.

Шуай Чан ущипнул его за нос:

— Маленький ленивец, — в его голосе слышалась нежность.

<http://bllate.org/book/22165/2308977>